

ВСТРЕЧА С БРЕХТОМ

К итогам гастролей Таллинского
государственного академического театра драмы
имени В. Кингисеппа

Пьесы, написанные крупнейшим драматическим поэтом и общественным деятелем демократической Германии Бертольдом Брехтом, по праву причисляются сегодня к самым значительным и прогрессивным явлениям художественной жизни нашего века.

Философский и глубоко человечный театр Брехта заставляет задуматься над самыми важными, коренными вопросами нашего времени, он раскрывает самую сущность «недоброго» буржуазного мира, в котором гибнут человеческие мечты и надежды, в котором человек, для того чтобы преуспеть в жизни, должен обязательно схватить за горло своего ближнего. Всей силой гнева, всем сердцем, каждой своей строкой Брехт восстает против безумия войны и нацизма. Истинный герой его демократического театра — простой человек из народа, разумный, справедливый, добрый, работающий человек, исполненный великой решимости переделать мир на основах разума, справедливости и добра.

Все это огромное социальное содержание облечено в пьесах Брехта в необычайно свежую, увлекательную, доходчивую театральную форму, дающую бесконечный простор для фантазии режиссера и актера. И вот, как это ни странно, мимо такого богатства в течение многих лет проходил наш театр после давней постановки «Оперы нищих», не возвращаясь более к этому чудесному драматургу.

Наконец, Брехт поставлен на нашей сцене и, как сразу же выяснилось, отлично «дошел» до сегодняшнего зрительного зала. Заслуга этого смелого почина принадлежит талантливому коллективу эстонского драматического театра имени Виктора Кингисеппа, показавшего в дни гастролей в Москве знаменитую пьесу Брехта «Господин Пунтила и его слуга Матти».

То, что именно этот театр обратился к драматургии Брехта, далеко не случайно. Большой гражданский темперамент, знание народной жизни и театральность сценических решений отмечают большинство спектаклей, показанных на московских гастролях: от шекспировского «Антония и Клеопатры» до современной эстонской драмы Э. Раннета «Блудный сын».

Все мы помним, как в одном из чаплинских фильмов Чарли спасает однажды ночью решившего покончить с собой некоего миллионера, и тот, к удивлению всех, становится другом маленького бродяги. Но дружба эта продолжается только до тех пор, пока миллионер пьян. В трезвом виде он немедленно вышвыривает своего приятеля на улицу, не узнавая его при встрече.

В пьесе Брехта повторяется чаплинский мотив, только еще более ярко классово выраженный.

Финский помещик господин Пунтила в состоянии обычного для него запоя — «почти человек», как говорит о нем его слуга — шофер Матти: он насковозь видит ничтожность окружающих его великосветских друзей, он предлагает свое сердце, руку и капиталы коровникам из соседней деревни, он не хочет увольнять обвиненного в «красной» крамоле батрака, он всячески набивается в приятели к своему слуге Матти, решая даже выдать за него замуж свою дочь Еву.

Но вот наступают «приступы трезвости», и господин Пунтила обретает истинное лицо; перед нами злобный, жадный, жестокий собственник, которому нет дела до нищеты и горя слуг; охраняя свою собственность, он, не задумываясь, рассчитывает и «друга» Матти, и «красного батрака».

Постоянные переключения из «пьяного» в «трезвый» план рожают множество гомерически смешных положений: этой злой и веселой комедии и вместе с тем утверждают в сознании зрителя мысль необычайно серьезную и ягуче современную. Только в пьяном виде можно представить себе «трогательную» дружбу между слугой и господином; трезво говорить об идее «классового мира» невозможно и бессмысленно, как бы ни пытались нас уверить в обратном некоторые современные буржуазные проповедники, провозглашающие ныне вздорную и вредную теорию так называемого «народного капитализма».

— Зачем об этом плакать, если ясно, что не смешать зовени воду с маслом, —

так в своей заключительной песенке формулирует итог взаимоотношений с хозяином его шофер Матти — подлинный герой пьесы Брехта, хорошо понимающий цену прекраснотных пьяных порывов господина Пунтилы.

Такова пьеса. Обратимся теперь к спектаклю. Раскрывается занавес, и мы видим ярко-голубое небо с нарисованными на нем умирительно белоснежными облаками. Разноцветные деревенские домики, тоже словно нарисованные, стоят в окружении условнообозначенных веселых березок. На крыше одного из домов выскакивает забавный нарисованный петушок. Все это напоминает идиллическую, приторную лубочную картинку и очень точно, умно и иронично выражает мысль Брехта о лживости всяческих иллюзий. Декорации спектакля — бесспорная удача художницы Мари-Лийз Кюла.

Вскоре сюда на ланированном и тоже как будто бы нарисованном автомобиле приезжает Пунтила, чтобы обручиться со своими многочисленными деревенскими невестами. Пунтилу играет один из старейших актеров театра имени В. Кингисеппа — Хуго Лаур. Его слугу Матти — артист Рудольф Нууде.

«Решающее значение имеет показ классового антагонизма между Пунтилой и Матти, — писал в своих комментариях к пьесе Б. Брехт. — Выбор актера для роли Матти, — предупреждал он, — должен быть сделан с таким расчетом, чтобы создать между этими двумя фигурами определенное равновесие, то есть чтобы было ясно, что духовное превосходство на стороне Матти. Актер, исполняющий роль Пунтилы, должен остерегаться в сценах опьянения увлечь за собой публику настолько, чтобы она потеряла способность критиковать его».

Сущность этих пожеланий выполнена театром.

Лучшие сцены Х. Лаура — пр его «трезвые» сцены, наполненные какой-то утробой и мстительной силой.

Матти Рудольфа Нууде — сдержан и исполнен человеческого достоинства. В его глазах всегда живут скрытая враждебность, недоверие к своему взбалмошному хозяину. С незаурядным искусством проводит он вместе с ней партнершей артисткой Л. Руммо (играющей эксцентричку и скучающую дочку Пунтилы) написанную в пьесе сцену «испытания» избалованной Евы, претендующей на роль простого шофера. Как ни сблизилась, подражающая модным извращениям, девица угадать жарт «вернувшегося» с работы, она не выдерживает этого и уходит.

И все-таки Матти — Нууде не хватает некоего внутреннего, лукавого «огонька», того самого огонька, народного юмора, которым так щедро наделен, скажем, исполнитель малюсенькой роли того работника — артист Анто Цыги, каждое появление которого с единственной фразой перед началом очередного эпизода доставляет такую большую художественную радость на протяжении всего спектакля.

Мне кажется, что постановщик — Волдемар Нансо, молодой, одаренный режиссер, которого я хорошо помню по спектаклю «Королю холодно» Тиммсаре, поставленному им с большим вкусом и озорством на эстонской сцене, — должен был бы больше ухватиться за тот камертон ярмарочного, веселого народного представления. Тогда бы в спектакле (особенно в первой его половине) возник совсем иной ритм, иная звонкость, возникла бы та праздничная комедийная атмосфера, которая так отвечает духу народной брахтовской комедии.

И очень хорошо, что драматическим контрастом в эту ярмарочную «карусель» врывался бы с большой глубиной и серьезностью сыгранный эпизод «финских рассказов», несущий в себе горькую и мужественную правду о народной судьбе.

Мы увидели первые спектакли только что поставленной брахтовской пьесы. Все эти «недоборы» могут быть вполне устранены в будущем. Главное сделано. На нашу сцену пришел Брехт. И мы уверены, что отныне мы будем встречаться с ним значительно чаще, в том числе и в московских театрах.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.

□ □ □

На снимке: сцена из пьесы Бертольда Брехта «Господин Пунтила и его слуга Матти». Пунтила — народный артист ЭССР Арно Суурорг (справа), Матти — заслуженный артист ЭССР Рудольф Нууде. Фото В. Раевского.